

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. М. Суринов

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ

Одним из древнейших занятий человека, бесспорно, является сельское хозяйство. Поэтому изучение специфики и особенностей его формирования дает ключ к пониманию процесса складывания мировой культуры, истории человечества в целом. И нам представляется очень полезным тот обмен мнений, который ведется на страницах журнала «Советская этнография» по данному вопросу¹. Актуальность проблемы заключается не только в ее историко-познавательном значении, но и в том, что ее решение, как это справедливо отмечается Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым, может быть «небезынтересно с практической точки зрения»².

Разногласия между участниками дискуссии сводятся в основном к следующему. Одни — Л. М. Сабурова, Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов — признают этническую обусловленность форм сельскохозяйственной культуры; другие — А. А. Шенников, Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков — все аспекты развития земледелия склонны считать производными от уровня социально-экономического развития общества и особенностей почвенно-географических условий. На наш взгляд, многие противоречия возникли из-за того, что с самого начала дискуссии не был точно определен ее предмет, т. е. то, какие стороны сельскохозяйственного производства и в какой последовательности должны быть рассмотрены. В результате этого некоторые интересные соображения высказывались участниками дискуссии параллельно, и того столкновения мнений, в процессе которого, как утверждает опыт, рождается истина, не получилось.

Открывшие дискуссию Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков фактически свели всю сложную проблему развития сельскохозяйственного производства к «изучению взаимосвязей между конструкцией земледельческого орудия и технологией земледельческих процессов»³. Они не пишут ни о видах и формах культурных растений, ни о системах использования земельных ресурсов. В силу этого такой важный показатель специфики организации сельского хозяйства, как система земледелия, истолковывается крайне односторонне. Когда Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков говорят о системе земледелия, то они имеют в виду набор определенных видов

¹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Некоторые вопросы агроэтнографических исследований, «Сов. этнография», 1967, № 1; Н. Н. Чебоксаров, Я. В. Чеснов, Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии, «Сов. этнография», 1967, № 3; Л. М. Сабурова, По поводу статьи Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова «Некоторые вопросы агроэтнографических исследований», «Сов. этнография», 1967, № 6; А. А. Шенников, Распространение животноводческих построек у народов европейской России, «Сов. этнография», 1968, № 6.

² Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 98.

³ Там же, стр. 81 и прим. 4 на стр. 91.

сельскохозяйственных орудий и соответствующую им сумму технологических процессов обработки земли⁴. Это и привело к тому, что не были выявлены основные связи, определяющие особенности формирования земледельческой культуры; попытка рассмотреть вопрос с точки зрения диалектики содержания и формы явления свелась фактически к анализу факторов, имеющих для понимания исследуемого предмета довольно частное значение. Еще более узко подходит к изучению проблемы А. А. Шенников, который на основании изучения форм содержания скота и типов скотных дворов, проведенного вне связи с другими отраслями развития сельского хозяйства, пытается подвергнуть сомнению факт этнической обусловленности форм развития земледельческого хозяйства в целом.

Более широко рассматривают данную проблему Л. М. Сабурова, Н. Н. Чебоксаров и Я. В. Чеснов. Так, Л. М. Сабурова совершенно правильно отмечает, что Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков строят свою концепцию «на отдельных примерах, а не на совокупности фактов»⁵. Полезной и плодотворной следует считать попытку Н. Н. Чебоксарова и Я. В. Чеснова наметить круг вопросов, изучаемых «агроэтнографией», куда относят особенности распространения сельскохозяйственных растений и животных, земледельческих орудий и агротехнических приемов.

При комплексном подходе очень важно выделить основной фактор, определяющий агротехническую традицию земледелия. В этом вопросе ведущую роль играет приуроченность этнической общности к определенной территории. Из всего комплекса факторов, характеризующих специфику сельского хозяйства, наиболее важными являются территориальные возможности земледелия (имеется в виду количество получаемых продуктов) и численность населения. От их соотношения зависело развитие земледелия, сменяемость различных его систем. Эти факторы не находились в прямой зависимости от почвенно-географических условий и уровня развития производительных сил. Они могли способствовать процессу интенсификации или, наоборот, тормозить его, что является, на наш взгляд, одной из совершенно неустраняемых особенностей земледелия⁶, определяющих тип культуры в зависимости от ее территориального размещения. Этот, по образному выражению Н. И. Вавилова, «экзистенс-минимум» пригодных для земледелия площадей, свойственный району расселения той или иной этнической общности, и определял тип земледельческой культуры, выразившийся прежде всего в особенностях формирования структуры производительных сил. При наличии больших земельных просторов складывалась экстенсивная, большей частью залежная система земледелия, при которой преимущественное значение приобретала механизация, а удобрения и агротехника имели второстепенное значение, так как изъятые из почвы питательные вещества восстанавливались естественным путем. При интенсивной системе земледелия, наоборот, первоочередное значение имели удобрения, агротехника, селекция высокопродуктивных сортов культурных растений, так как «экзистенс-минимум» в этом случае определял необходимость максимально-продуктивного использования каждого участка земли. Поэтому, как неоднократно отмечал выдающийся знаток вопроса Н. И. Вавилов, «в силу высокой уплотненности населения» возникала высокая культура полей и «наличию развитой земледельческой культуры соответствовало наличие больших массивов населения» и т. д. Именно благодаря этому на территориально ограниченных пространствах на заре развития земледелия были созданы такие высокопродуктивные сорта, которые впоследствии были с трудом превзойдены методически организованной селекцией.

⁴ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 85.

⁵ Л. М. Сабурова, Указ. раб., стр. 79.

⁶ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 137.

Экстенсивное хозяйство в свою очередь также предъявляло специфические требования к составу полевых культур, к высеваемым сортам. Эти требования были настолько отличны от требований высокоинтенсивного земледелия, что на селекционных съездах даже специально ставились вопросы о необходимости выведения новых сортов с учетом режима использования земли⁷.

Система земледелия формирует структуру производительных сил в сельском хозяйстве в зависимости от способа восстановления естественного плодородия почвы. В силу этого обстоятельства нам представляется малообоснованным высказанное Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым соображение о том, что «развитие товарного капиталистического производства... требует перехода к более интенсивным... системам земледелия». Высокоинтенсивные системы земледелия существовали и в античном мире, и во многих феодальных государствах Востока. В то же время экстенсивное хозяйство велось в стране с таким высоким развитием аграрного капитализма, как США. Все это дает основание полагать, что сама по себе интенсивность использования земельных ресурсов не является отражением уровня развития производительных сил, зрелости производственных отношений. В самом деле, если взять две высокоразвитые в сельскохозяйственном отношении капиталистические державы, США и Японию, то без труда можно обнаружить, что системы земледелия в них складывались по-разному. В последней издавна существовали высокоинтенсивные севообороты с соевой и рисовой культурами, а американское земледелие долгое время развивалось на основе использования переложных земель.

С другой стороны, мы найдем много общего в режиме эксплуатации земли в Японии и отсталом в аграрном отношении Китае, но одновременно и между последним и Голландией. И в Китае, и в Голландии велось высокоинтенсивное хозяйство, которое порождал «экзистенс-минимум» земельной площади.

Некоторые факты позволяют думать, что складывавшаяся в процессе исторического развития система сельского хозяйства оказывала определенное влияние и на формы развития многих других сторон материальной и духовной культуры той или иной общности. Проиллюстрируем это несколькими примерами. Типы жилищ американского фермера, сибирского крестьянина, сформировавшиеся в условиях широких земельных просторов, имеют между собой много общего, но заметно отличаются от японских и китайских, при строительстве которых руководствовались необходимостью максимальной экономии полезной площади.

Нам также представляется справедливым, что различия в формах эксплуатации земли могут порождать различия в типах материальной культуры, в образе мышления отдельных человеческих общностей⁸. Это в какой-то мере признается Г. Г. Громовым и Ю. Ф. Новиковым, особенно в том случае, когда они переходят к рассмотрению конкретных фактов. Так, они пишут, что «однажды возникнув в рамках определенной системы обработки почвы, почвообрабатывающие орудия продолжают развиваться в пределах этой системы»⁹.

Чрезвычайно интересные наблюдения о воздействии систем земледелия на формирование одного из условий сельскохозяйственного производства содержатся в статье А. А. Шенникова. Он показал, как с увеличением плотности населения и уменьшением пастбищ изменялось отно-

⁷ Н. П. Вавилов, Избр. труды, т. II, М., 1960, стр. 168—175; т. III, М.—Л., 1962, стр. 163, 488 и др.

⁸ Л. Н. Гумилев, Этнос как явление, сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1966, вып. 3—Этнография, стр. 101.

⁹ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 82.

шение сельского населения к органическому удобрению, в связи с чем и зимнее содержание скота становилось иным.

Из сказанного выше можно заключить, что постепенный переход к высокоинтенсивным системам земледелия, вызванный ростом плотности населения, является закономерным процессом. Но сами по себе системы земледелия не отражают уровня развития производительных сил и не могут служить показателем их развития. В зависимости от размеров используемых земель той или иной общностью людей у них складывался определенный тип хозяйства разной степени интенсивности, который, как это мы попытаемся объяснить, тоже является одним из слагаемых, определяющих специфику материальной и духовной культуры той или иной этнической общности.

Традиции ведения хозяйства, определяемые его интенсивностью, носят «наследуемый характер». В подтверждение этого предположения можно привести тот факт, что в условиях экстенсивного хозяйства Сибири китайцы, дунгане, корейцы и другие выходцы из густонаселенных районов Азии долгое время сохраняли высокоинтенсивную систему, специализируясь на выращивании огородных растений. Такой же высокоинтенсивный тип использования сельскохозяйственных угодий и сопутствующие ему явления выделяют этнически апатани среди ассамских народов Северо-Восточной Индии и т. д.¹⁰ Переход от одного типа земледельческой культуры к другому обычно протекает в замедленном темпе. Так, переход от трехполья к залежному хозяйству, началась у русских сразу же после заселения Сибири¹¹. Однако есть основания считать, что полная адаптация орудий и агротехники к этой системе земледелия произошла только в конце XIX — начале XX в.

Для того чтобы понять этническую обусловленность развития сельского хозяйства, очень важно ознакомиться с характером и результатами взаимодействия тех или иных этнических общностей в процессе их расселения с растительной и животной субстанцией. Много ценного по этому вопросу содержится в статье Н. Н. Чебоксарова и Я. В. Чеснова. Однако, на наш взгляд, в ней не отражены объективные причины, делающие то или иное растение «этнически характерным». Решающее значение для понимания этого имеют труды Н. И. Вавилова. Детальное обследование культурной флоры всего мира позволило этому ученому сделать крупнейшие открытия о взаимосвязи законов этногенеза и законов распространения сельскохозяйственных растений. Еще в 1923 г. Н. И. Вавилов указывал на растение как на объект исследования этнических процессов. В частности, касаясь так называемого «полбяного» вопроса, он писал, что «помимо ботанического интереса, эта культура любопытна тем, что определенно связана с этническим составом населения... целый ряд общих вопросов о происхождении культурных растений может быть решен на этой культуре и, в частности, вопрос о древности культуры возделываемых растений»¹². Впоследствии, опираясь на результаты своих обширных исследований и научные открытия других ученых, Н. И. Вавилов приходит к общему выводу о том, что «культура полей» «неотделима от общей культуры народа» и что «дифференциации культурных растений... способствовала пестрота этнического состава»¹³ населения. Это положение Н. И. Вавилова ставит под сомнение мысль, высказанную А. А. Шенниковым о том, что средства труда «меньше всего зависят

¹⁰ С. А. Маретина, Изучение общественного строя у малых народов Северо-Восточной Индии. «Сов. этнография», 1968, № 6, стр. 148.

¹¹ В. И. Шенников, Очерки по истории земледелия (XVII в.), М., 1956, стр. 285—302.

¹² Ленинградский государственный областной архив Октябрьской революции и социалистического строительства (далее — ЛГАОРСС), ф. 9708, оп. 1, д. 35, л. 35.

¹³ И. И. Вавилов, Избр. труды, т. 2, стр. 176; т. V, стр. 79, М — Л., 1965.

от этноса»¹⁴, что законы, формирующие специфику сельскохозяйственного производства, не имеют ничего общего с законами эволюции языка, законами этногенеза. Разумеется, о прямом совпадении действия тех и других законов нет оснований говорить, но в то же время нет смысла их жестко противопоставлять друг другу. Для подтверждения этой мысли обратимся к некоторым выводам Н. И. Вавилова. Прежде всего им было доказано, что первоначальные очаги земледельческой культуры, а также первые великие древние цивилизации использовали в своем хозяйстве различные виды сельскохозяйственных растений, а следовательно, одно из основных средств труда у них было неодинаковым. Во-вторых, ученым была открыта закономерность, широко известная в науке под названием «эффекта Вавилова»¹⁵. Суть ее заключается в том, что по мере оттеснения того или иного вида культурного растения от центра происхождения в составе форм его вида происходит выпадение доминантных признаков и проявление рецессивных. Та же закономерность была обнаружена и в отношении расовых признаков, которые нельзя не учитывать при формировании этнической общности. Мало убедительным нам представляется и противопоставление А. А. Шенниковым законов эволюции языка специфике сельскохозяйственного производства. Поэтому есть смысл хотя бы кратко осветить проблему влияния распространения сельскохозяйственного растения на эволюцию словарного состава языка. Не подлежит сомнению тот факт, что язык, являющийся важнейшим кодом общественной информации, в своем словарном составе отражает те изменения, которые происходят в составе культурной флоры, в отношении земледельца к тому или иному растению. Различия в культурах, в качестве получаемого от них продукта всегда вызывают соответствующие изменения в языке. Из великого множества фактов, это положение подтверждающих, приведем некоторые. Так, в Эфиопии для обозначения наиболее ценной фиолетовозерной пшеницы был введен специальный термин¹⁶. Сложный процесс превращения ржи из сорного растения в культурное, как это было убедительно показано исследованиями Н. И. Вавилова, отразился в словарном составе ряда этнических общностей.

Говоря о причинах этнической обусловленности распространения того или другого культурного растения, связи его распространения с миграцией этнической общности, надо указать на тот факт, что большинство сельскохозяйственных растений отличается большой приспособляемостью к различным экологическим условиям. Так, например, ячмень, вышедший из Эфиопии, успешно произрастает за Полярным кругом. Приспособляемость растения делает неизбежной его связь с той или иной этнической общностью во время ее миграции. Характерен в этом плане факт консервации «пятен полбяной культуры», которая стала этнически характерной для отдельных народов, находящихся на разных континентах и на различных уровнях развития. Острова ее посевов встречаются в Татарии, Чувашии, Армении, Эфиопии, у басков в Испании и в ряде других мест¹⁷. Объясняя ее появление в России, Н. И. Вавилов указывал: «Занесенная в эти районы когда-то с переселением тюркских народов, эта культура так и осталась с народностями, принесшими ее»¹⁸.

С другой стороны, при распространении культурных растений из первоначальных очагов доместикаций происходило не только выпадение определенных форм этих растений, но и целых видов. Например, характерным явлением для племени венесуэльских индейцев-мотилонов, выделяю-

¹⁴ А. А. Шенников, Указ. раб., стр. 105, 106.

¹⁵ «Н. И. Вавилов и сельскохозяйственная наука», Л., 1970, стр. 30.

¹⁶ Там же, стр. 38, 365, т. V, стр. 28.

¹⁷ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. III, стр. 228, 229.

¹⁸ Там же, т. II, стр. 187.

щим его среди других аборигенов, является отсутствие в посевах высокопродуктивной культуры — кукурузы¹⁹.

Важным моментом для понимания этнической традиции в сельском хозяйстве является вопрос о характере использования возделываемых растений. Многие из культур совершенно неожиданно делаются характерными для определения этнических общностей не в местах их произрастания, а в других регионах. Так, красный перец (*Сарсикум апитум* L), первоначально domestцированный в Америке, наибольшее значение приобрел в некоторых районах Африки, где стал своеобразным эквивалентом денег при товарообмене.

Ряд научных конференций по происхождению домашних животных, проведенных под руководством Н. И. Вавилова, показал, что распространению последних свойственны те же закономерности, что и распространению культурных растений.

Приведенные выше материалы заставляют нас согласиться с мнением Н. И. Вавилова, что на выбор сельскохозяйственных культур и животных оказывают влияние не только общественно-исторические условия, но и этнические факторы²⁰.

Возникает вопрос, не составляют ли сельскохозяйственные орудия исключения в этом отношении? Приведенные в статье Г. Г. Громова и Ю. Ф. Новикова отрывочные данные не дают достаточного основания для такого суждения. Этот вывод был бы вполне обоснованным, если бы авторы произвели широкое сопоставление типов орудий, используемых в странах с примерно одинаковыми экономическими и географическими условиями, но населенных различными этническими общностям. В свое время решить вопрос в таком плане пытался Б. Н. Жаворонков. Им была подготовлена работа «История мирового плужного земледелия», к сожалению, не опубликованная. Опираясь на результаты этого исследования, а также на свои собственные наблюдения, Н. И. Вавилов пришел к выводу, что «плуги Абиссинии, Китая, Юго-Западной Азии и Средиземноморских стран выявляют определенно различные типы»²¹, что «на разных континентах творчество шло разными путями и давало нередко различные, а иногда и сходные результаты»²² и в каждом имелось много своего, «придуманного»²³.

Изложенные нами выше материалы об особенностях развития производительных сил в земледелии, дают возможность сформулировать общие принципы, с которыми этнограф должен подходить к пониманию этнической специфики сельскохозяйственного производства. Мы согласны с мнением тех авторов, которые полагают, что этнические особенности отражают прежде всего специфичность в развитии той или иной общности людей. Но нам думается, что эта специфичность формируется из суммы признаков, многие из которых будут характерны и для других этнически обособленных общностей. Все дело заключается, на наш взгляд, в характере и форме взаимного соотношения этих признаков. Именно на их основе происходит интегрирование национального самосознания. Такой подход нам кажется правильным еще и потому, что он будет отражать общую логику развития научного познания. Большой интерес в этом плане представляют некоторые новые элементы, которые появились за последнее время в теоретической биологии, особенно же та трансформация, которую претерпела концепция вида. Если раньше вид представлялся как единое целое, то в настоящее время биологами установлено, что виды не представляют такого рода целостности, а состоят из суммы форм и при-

¹⁹ Э. Л. Нитобург. О сдвигах в размещении и структуре населения Венесуэлы, «Сов. этнография», 1967, № 1, стр. 58.

²⁰ Н. И. Вавилов, Избр. труды, т. II, стр. 187.

²¹ Там же, т. II, стр. 148.

²² Там же, т. V, стр. 636.

²³ ЛГАОРСС, ф. 9708, оп. 1, л. 859, л. 26.

наков, находящихся в различных сочетаниях. На необходимость использования этого опыта биологической науки применительно к социально-экономической истории уже было указано К. К. Зельиным²⁴. Думается, что этот прием можно плодотворно использовать в агроэтнографии и этнографии в целом.

В силу исторических условий у каждой этнической общности складывается меняющаяся в своем развитии, но на каждом определенном этапе неповторимая мозаика признаков сельскохозяйственного производства. Высокую интенсивность земледелия, например, можно считать общим признаком как для китайцев, японцев, корейцев, так и для датчан, что, конечно, порождает также общие черты в материальной культуре этих народов. Но в то же время по взаимодействию с растительной субстанцией датская культура будет заметно отличаться от азиатских и ближе подходить, скажем, к такой малоинтенсивной земледельческой культуре, как американская. Мозаика эта, складывающаяся, как мы пытались показать, в значительной мере независимо от экономических условий, и должна, по нашему глубокому убеждению, являться предметом «агроэтнографии».

Сочетание признаков и значимость каждого из них в определении той или иной этнической общности могут быть различны. Например, при сопоставлении этнических общностей англичан и американцев следует учитывать влияние на формирование самосознания, на тип материальной культуры в первом случае «экзистенс-минимума» территории, в другом — наличия свободных земель. Соотношение численности этноса и территориальных возможностей земледелия должно стать объектом исследования при выяснении причин многих явлений, связанных с историческими судьбами этносов. Нам представляется справедливой точка зрения М. В. Воробьева о том, что «средствами одной только политической и социально-экономической истории» нельзя объяснить возвышение некоторых племен²⁵.

Дальнейшее углубление понимания этнической специфики хозяйственной жизни той или иной общности должно идти по линии выявления различных сочетаний признаков земледельческой культуры, которые в одних случаях приводили к ее исчезновению, в других способствовали ее жизнеспособности.

Изучение этих признаков представляется чрезвычайно нужным и важным. Если мы пойдем по линии отказа от исследования этнических традиций и будем признавать только культурные, то мы придем, с естественной неизбежностью, к признанию того факта, что вся история земледелия является историей становления и «закрепления рациональной» (подчеркнуто нами.— В. С.) практической деятельности²⁶. Фактически же дело обстояло значительно сложнее. В свое время, полемизируя с А. Р. Колем, стоявшим примерно на тех же позициях, что и Г. Г. Громов и Ю. Ф. Новиков, Н. И. Вавилов указывал, что в процессе исторического развития земледелия шло накопление не только ума, но и глупости²⁷. И это обстоятельство в практической деятельности, если строить ее правильно, никак нельзя не учитывать. О том, насколько глубоко этнические традиции проникают даже в современное земледелие, свидетельствует следующий факт. В 1928 г. Д. Н. Прянишников при детальном изучении сельскохозяйственного производства такой высокоразвитой

²⁴ К. К. Зельин, Принципы морфологической классификации форм зависимости, «Вестник древней истории», 1967, № 2, стр. 7—31.

²⁵ М. В. Воробьев, Этнос в средние века (на материале этногенеза чжурдженей), сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1967, вып. 3, стр. 58, 59.

²⁶ Г. Г. Громов, Ю. Ф. Новиков, Указ. раб., стр. 92.

²⁷ ЛГАОРСС, ф. 9708, оп. 1, д. 409, л. 30.

страны, как Дания, обнаружил значительные различия в земледелии у этнических групп, населяющих эту страну²⁸.

В заключение остановимся на эпистемологических основах проблемы, которые в ходе дискуссии не были затронуты. Правда, несколько раньше А. А. Шенников в статье «О понятии этнографический комплекс» указывал, что всегда существуют подразделения предмета не только «по вертикали», но и по горизонтали, а иногда и более чем в двух измерениях²⁹. В связи с этим А. А. Шенников ставил вопрос о возможности изучения явления в каком-либо одном направлении. Возможность такого рода исследования проблемы сама по себе бесспорна. Но при этом не следует забывать и о ведущей тенденции развития современной научной мысли, которая заключается в том, что если раньше объекту исследования соответствовала одна отрасль науки, то в настоящее время он — предмет изучения многих. В результате такого многоаспектного изучения объекта не только обогащаются все участвующие в нем отрасли знания, но и могут возникать новые³⁰. Предлагаемое А. А. Шенниковым постепенное вычленение с целью сепаратного исследования отдельных сторон «этнографического комплекса» приводит к тому, что из поля зрения ускользает самый объект исследования как определенный тип сочетания признаков. Видимо, это и привело автора к несколько странному утверждению, будто полные «этнографические комплексы» духовной и материальной культуры имеются только у небольших народностей, политически и географически изолированных³¹.

TO THE PROBLEM OF DETERMINING AGROETHNIC TRADITION

An attempt is made in the article to determine the range of problems which should be dealt with by agroethnography. Particular consideration is given to the influence over the structure of production forces in agriculture of the correlation between the territorial potential of an ethnic community and its numerical strength. In the author's opinion this ratio gives rise to a certain type of economy which is not directly connected either with the level of development of productive forces and the corresponding social-economic factors or with conditions of soil and climate.

The association of certain groups of plants and animals with the agriculture of particular ethnic communities is also considered in the article as well as the causes of this phenomenon.

In conclusion the problem is raised of a complex approach to the study of agriculture: the necessity of this is epistemologically in accord with the general trends of the evolution of scientific ideas.

²⁸ Д. Н. Прянишников, Впечатления от поездки в 1927 г. по Дании, Голландии и Италии, в кн. «Очередные вопросы удобрения на третьем агрономическом совещании при НИУ 28 февраля — 2 марта», М., 1929, стр. 115—118.

²⁹ Сб. «Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР», Л., 1967, вып. 3, Этнография, стр. 56.

³⁰ Б. М. Кедров, О диалектике современного естествознания, «Наука и жизнь», 1965, № 9; стр. 4; см. также Д. Н. Прянишников, Избр. соч., т. 1, М., 1965, стр. 45—50.

³¹ А. А. Шенников, О понятии «этнографический комплекс», стр. 54, 55.